
**ЛЕКСИЧЕСКИЕ
И ЛЕКСИКО-ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА
СОЗДАНИЯ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ДОМИНАНТЫ
В ПРОЗЕ Н.С. ЛЕСКОВА
(малые формы 1870—1880 гг.)**

Л.Н. Лумпова, Н.В. Рыжова

Кафедра русского языка и методики его преподавания
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

В статье рассматриваются рассказы Н.С. Лескова 1870—1880 гг. Выявляются лексические и лексико-фразеологические средства создания национально-культурной доминанты — исконно русская лексика, устойчивые словосочетания, пословицы, поговорки, афоризмы, фразеологизмы с оценочным значением, метафоризация оборотов. Анализ языковых средств приводит к направлению авторской интенции.

Ключевые слова: малые формы прозы Н.С. Лескова, этнокультурный (национально-культурный) компонент, исконно русская лексика, диалектизмы, просторечия, устойчивые словосочетания, пословицы, поговорки, фразеологизмы с оценочным значением, национально-культурная доминанта, метафоризация языка.

Когда говорят о точном и живом, объективном изображении российской действительности XIX в., то обычно называют произведения Н.В. Гоголя, Н.А. Некрасова, М.Е. Салтыкова-Щедрина. И почему-то чересчур редко упоминают повести и рассказы Н.С. Лескова. А между тем в творчестве Н.С. Лескова запечатлены русские характеры со всей своей полнотой: писатель изображает и быт народа, и ситуации того времени, и людей различных сословий.

Рисуя особенности русского характера, Н.С. Лесков прибегает и к комическому изображению русской действительности. Комичность ситуаций определенного рода передается не только композиционно, но и посредством языка.

Язык произведений Н.С. Лескова выделяется прежде всего своим ярким «национальным характером»: творчество писателя поражает обилием исконно русской лексики, фразеологии, пословиц и поговорок. Такова эстетическая задача художника — воссоздать русскую действительность, передать черты русского характера.

Рассказы Н.С. Лескова, емко и образно изображая события, выдвигают на первый план человеческие предрассудки. Так, в рассказе «Жемчужное ожерелье» (1895) повествование начинается с рассуждений автора о современной литературе: приводится высказывание Писемского (несколько даже нелепое) о том, что якобы скудость современной русской литературы мы можем объяснить «размножением железных дорог»:

Теперь человек проезжает много, но скоро и безобидно, — говорил Писемский, — и оттого у него никаких сильных впечатлений не набирается, и наблюдать ему нечего

и некогда, — все скользит. Оттого и бедно. А бывало, как едешь из Москвы в Кострому *«на долгих»*, в общем тарантасе или *«на сдаточных»*, — да и ямщик-то тебе попадет подлец, да и соседи нахалы, да и постоянный дворник шельма, а *«куфарка»* у него неопрятище, — так ведь сколько разнообразия насмотришься. А еще как сердце не вытерпит, — изловишь какую-нибудь гадость во щах да эту *«куфарку»* обругаешь, а она тебя на ответ — вдесятеро *иссрамит*, так от впечатлений-то просто и не отделаешься. И стоят они в тебе густо, точно суточная *каша прееет*, — ну, разумеется, густо и в сочинении выходило; а нынче все это по железнодорожному — бери тарелку, не спрашивай; ешь — пожевать некогда; динь-динь-динь и готово: опять едешь, и только всех у тебя впечатлений, что лакей сдачей тебя обсчитал, а обругаться с ним в свое *удовольствие уже и некогда* [4. С. 218].

Живая картина российской действительности создается при помощи лексических средств: *куфарка, иссрамит, на долгих, на сдаточных, каша прееет*.

Куфарка является диалектным «вкраплением», по которому мы понимаем, что человек, использующий это слово, родом из определенной местности. Диалектизм подобного рода встречаем в рассказе «Старый гений» (1884):

...Не гляди, пожалуйста, на меня так, глаза *испытуючи*... [4. С. 176],

а также в «Чертогоне» (1879):

Но вот в окно дохнула свежесть московского утра, я снова что-то сознал, но как будто только для того, чтобы *усумниться* в рассудке [4. С. 48].

В текстах Н.С. Лескова можно найти достаточно много приставочных диалектных, просторечных и разговорных образований: *иссрамить, набаламутить, взманить, доискаться, разбраниться* (рассказы «Жемчужное ожерелье», «Справедливый человек» (1880), «Маленькая ошибка» (1883)).

В «Жемчужном ожерелье» мы встречаем глагол *иссрамить*, являющийся просторечным и имеющим в данном контексте значение «сильно выругать кого-либо», «обругать кого-либо сквернословиями». Приставка *ис-* передает следующее значение: «доведение действия до предела» (например, *испепелить, извести, истрепать*).

Лексика с этнокультурным компонентом включает в себя не только диалектизмы и просторечия, но и слова, отражающие реалии определенного периода и вышедшие из употребления, — историзмы. В приведенном отрывке такими словами являются *на долгих* и *на сдаточных*. Не для каждого современного носителя русского языка данные слова понятны, и поэтому они требуют особых комментариев: *на долгих* — на одних и тех же лошадях; *на сдаточных* — на сменных лошадях.

Однако национально-культурная доминанта наиболее явно отражается не столько в наименованиях определенных реалий какого-либо исторического периода, сколько в метафоризации языка. Современные лингвистические исследования указывают на глубинную связь понятий «метафора» и «языковая картина мира» [3. С. 17]. В.Н. Телия подчеркивает, что «проблема языковой картины мира

теснейшим образом связана с проблемой метафоры как одним из способов ее создания» [3. С. 17]] т.е. метафора национально обусловлена, поскольку образ метафоры связан с отраженной в нем системой стереотипных образов [3. С. 17].

В следующем примере автор проводит меткое метафорическое сравнение, которому присущ ярко выраженный национальный характер:

А еще как сердце не вытерпит, — изловишь какую-нибудь гадость во щах да эту «куфарку» обруаешь, а она тебя на ответ — вдесятеро иссрамит, так от впечатлений-то просто и не отделаешься. И стоят они в тебе густо, точно суточная каша прееет... [4. С. 218].

Можно также сказать, что национально-культурный компонент обнаруживает себя в тех исконно русских словах, значение которых выводимо из контекста. Таково, например, слово «сквалыжник»:

Только не мешает, — говорю, — моему братцу и тебе знать и помнить, что отец Машеньки всем известный богатый *сквалыжник* [4. С. 222].

Опираясь на контекст, мы можем вывести следующее значение: «очень жадный человек, скряга».

Также при опоре на контекст и определенную сочетаемость слов установим значение другого непонятного для нас слова:

— Счастливыцы! — говорю, а сам думаю: «Значит, эта бестия, Николай Иванович, сразу раскусил, что за теленок мой брат, и дал ему пойла недаром.

Теперь он его будет ласкать, пока там жениховский *рученец* (т.е. срок) кончится, а потом — быть бычку на обрывочку» [4. С. 226].

В словаре В.И. Даля видим подтверждение нашей догадке: *рученец* — срок; мера времени [1].

Диалектным образованием является и глагол *обрешетиться*:

— Ну, — говорю, — матушка, меня на это не подденешь. Все это хорошо вовремя и кстати, хорошо, когда эти влечения вытекают из чего-нибудь ясно сознанного, из признания видимых превосходств души и сердца, а это — что такое... в одну минуту увидел и готов *обрешетиться* на всю жизнь.

— Да, а ты что же имеешь против Машеньки? — она именно такая и есть, как ты говоришь, — девушка ясного ума, благородного характера и прекрасного и верного сердца. Притом и он ей очень понравился [4. С. 221].

Нам — современным носителям русского языка — представляется возможным вывести значение этого глагола на основании данного абзаца, поскольку значения диалектных элементов русского языка доступны жителям определенной местности и в определенный период развития этого языка. Диалектизмы могут уходить из активного употребления, значения их «теряться», а внутренняя форма слова может быть затемнена.

У В.И. Даля *обрешетиться* имеет следующие значения: «обязаться, связать себя женитьбой, семьей» [1].

В рассказе «Старый гений» находим диалектное слово *закорюка* вместо общепринятого *закорючка*:

Хлопоты ее вначале были очень успешны: адвокат ей встретился участливый и милостивый, и в суде ей решение вышло скорое и благоприятное, но как дошло дело до исполнения — тут и пошла *закорюка*, да такая, что и ума к ней приложить было невозможно. Не то, чтобы полиция или иные какие пристава должнику *мирволили* — говорят, что тот им самим давно надоел и что они все старушку очень жалеют и рады ей помочь, да не смеют... [4. С. 172].

Значение глагола «мирволить» находим в Русском словаре языкового расширения А.И. Солженицына: «поблажать, поноравливать, т.е. давать поблажку» [6. С. 109].

Опираясь на внутреннюю форму слова, мы можем установить значение диалектизм. Таким образом, мы могли и установить значение предыдущего глагола (Ср.: *благоволить*). Также на основе анализа внутренней формы слова определим значение лексемы *питуций* (т.е. употребляющий в большом количестве хмельные напитки):

Мы с ним вместе в Мариинском пассаже у *саечника* Василья обедаем, потому что я ведь теперь экономлю и над каждым горшком тряусь — горячего уже давно не ем, все на дело берегу, а он, верно, тоже по бедности или *питуций*... но преубедительно говорит: «дайте мне пятьсот рублей — я вручу» [4. С. 174].

В данном отрывке есть историзм — *саечник*, т.е. тот, кто пек или продавал *сайки* (пшеничный хлеб небольшого размера и округлой формы).

Как мы уже отметили выше, в произведениях Н.С. Лескова широко используются не только диалектные вкрапления, устаревшая лексика, но и просторечия: например, в «Жемчужном ожерелье» мы находим такие просторечия, как *пройда* и *жох*.

И если слово *пройда* мы свяжем со словом *пройдоха*, то установить значение слова *жох* окажется довольно затруднительно. Обратимся непосредственно к тексту:

...Ну пусть их делают, как знают, и пусть их Машенькин отец надует, как он надул своих старших зятьев. Да даже еще и более, потому что те сами *жохи*, а мой брат — воплощенная честность и деликатность. Тем лучше, — пусть он их надует — и брата и мою жену. Пусть она обожжется на первом уроке, как людей сватать! [4. С. 225].

Если мы будем выводить значение слово из данного контекста, то можем получить следующее: *жох* — хитрый человек, поступающий не всегда честно и благородно. В Русском словаре языкового расширения А.И. Солженицына встречается *жог*, второе значение которого «жох, плут, выжига» [6. С. 65].

В «Маленькой фамилии» есть всем известный глагол *пособить* (являющийся и диалектизмом, и просторечием одновременно):

Ты, — говорит, — хотя неверующий, однако могут и в тебе быть какие-нибудь чувства, — пожалуйста, пожалей ты Катю, *пособи* (т.е. помоги) мне скрыть ее девичий грех! [4. С. 130].

Таким образом, рассказы Н.С. Лескова 1870—1880 гг. характеризуются присутствием в них национально-маркированной лексики, которая является одним из средств воссоздания русской действительности того времени.

Говоря о национально-маркированной лексике, мы не можем обойти стороной устойчивые выражения, фразеологизмы, пословицы, поговорки, афоризмы, в которых наиболее (по сравнению с другими языковыми ресурсами) запечатлен «дух народа». «Язык культуры», воплощаясь в различных семиотических системах, проявляется особенно четко во фразеологической системе, «в прескрипциях народной мудрости — в пословицах, поговорках, в различного рода языковых стереотипах, эталонах, символах, а также в прецедентных текстах — в крылатых выражениях, сентенциях и т.п.» [7. С. 238].

Произведения Н.С. Лескова пестрят русскими поговорками, пословицами, афоризмами и известными цитациями из произведений русских классиков.

В уже нами упомянутом «Жемчужном ожерелье» есть несколько цитаций из известных произведений.

Так, например, неудавшаяся попытка примирения главного героя с женой передается при помощи оборота *начав — как бог, окончил — как свинья*, являющегося неточной цитатой из стихотворения А.К. Толстого «Сон Попова» (1873). Использование данного афоризма отвечает определенному эстетическому заданию: образно и экспрессивно, а вместе с тем и емко оценивает поступок героя, причем данная оценка «вкладывается» в уста героя, за счет этого усиливается экспрессия, образ героя проявляется отчетливее при подобном «оценивании».

Каково же назначение фразеологизмов? Они передают определенного рода экспрессию, поскольку оценочное значение является «важным признаком фразеологического значения» [2. С. 57]. Однако не все устойчивые сочетания и фразеологизмы обладают оценочным значением. Некоторые только называют явление, признак или действие, при этом не характеризуют его. Фразеологические единицы (ФЕ) и устойчивые сочетания с оценочным значением, как правило, должны отвечать на вопросы «каков предмет?», «что он такое?», «каково это действие?».

Так, сочетание *травленный зверь* («бывалый, выдавший виды человек») заключает в себе определенное оценивание субъекта (рассказ «Старый гений»):

Приходят сроки, старушка напоминает о себе письмами — сначала самыми мягкими, потом немножко пожестче, а наконец, и бранится — намекает, что «это нечестно», но должник ее был *зверь травленный* и все равно ни на какие ее письма не отвечал [4. С. 171].

Во Фразеологическом словаре под ред. А.И. Молоткова есть фразеологизм *травленный волк (старый волк)* [8. С. 76], но отсутствует оборот *зверь травленный*. В Большом словаре русских поговорок Т.Г. Никитиной и В.М. Мокиенко приведены оба фразеологизма, причем значения этих ФЕ различаются: *травленный зверь* употребляется тогда, когда мы говорим об опытном, бывалом человеке; фразеологизм *травленный волк* встречается в тех контекстах, в которых речь идет о человеке, испытавшем лишения и невзгоды, и приобретшем вследствие этого жизненный опыт [5. С. 97, 220]. Таким образом, мы можем сказать, что оба вы-

ражения имеют сходную архисему — «человек, имеющий богатый жизненный опыт», и общий источник происхождения — устное народное творчество, являющееся неисчерпаемым источником пополнения русской фразеологии. Именно «народная фразеология» запечатлевает в себе богатый культурно-исторический опыт народа и посредством языка отражает стереотип поведения или стереотип мысли определенного народа.

Национально-культурный компонент во фразеологии отражается в образной основе ФЕ, в метафоризации фразеологического оборота, а метафоричность является главной составляющей народного языка. Образование исконных фразеологизмов связано с перенесением ассоциативно-образных элементов одного объекта или явления на другой объект или явление. Номинация последнего объекта (явления) является ассоциативно-образным отражением объекта или явления, положенного в основу номинации. Таким образом, в образовании исконных ФЕ участвует главным образом признак первостепенного объекта или явления.

Н.С. Лесков, будучи «чрезмерным национальным писателем» (термин Б.М. Эйхенбаума [9]), рисуя картины русской жизни, повествуя о поступках русских людей, описывая их характеры, использовал русские пословицы и поговорки. Русскими пословицами и поговорками даже «говорят» герои Н.С. Лескова.

Обратимся еще раз к «Старому гению». Главную героиню обманывает один «великосветский фронт», ради которого она заложила свое имение. Бумагу, подтверждающую дело, отклоняют в суде по причине того, что человек этот имеет покровителей в высших кругах. Помещица, не зная всей ситуации, ссылается на то, что «будто все это „оттого, сухая ложка рот дерет“».

Другой пример в том же рассказе. Старушка, попадая к «высшим» заводит разговор о доме молодого фронта. Ей отвечают, что дом-то не его, а жены. Наша героиня, отвечая на реплику «высших», произносит: «Ведь это все равно: *муж и жена — одна сатана*».

Н.С. Лесков обращается и к фольклорным присказкам:

Да и не надо. Нынешние ведь много тысяч берут, а мы сотни. Мне двести за мысль и за руководство да триста исполнительному герою, в соразмере, что он может за исполнение три месяца в тюрьме сидеть, и *конец дело венчает*... Кто хочет — пусть нам верит, потому что я всегда берусь за дела только за невозможные; а кто веры не имеет, с тем делать нечего», — но что до меня касается, — прибавляет старушка, — то, представь ты себе мое искушение: я ему почему-то верю... [4. С. 175].

Почему автор прибегает к этому приему? Н.С. Лесков отражает определенную черту характера русского обывателя: его закоснелость в своих взглядах и убеждениях и невозможность их изменения.

Другой пример. Герой «Жемчужного ожерелья» упорно стоит на «своем» в спорах с женой, считая, что затея его жены — пустяшная, грозит провалом. И вот что интересно: в речи нашего героя то и дело проскальзывают «заштампованные» обороты:

— Счастливыцы! — говорю, а сам думаю: «Значит, эта бестия, Николай Иванович, сразу раскусил, что за теленок мой брат, и дал ему пошла недаром.

Теперь он его будет ласкать, пока там жениховский рученец кончится, а потом — *быть бычку на обрывочку*» [4. С. 226].

...

— Да это было бы и напрасно, потому что, несмотря на все твое карканье, они будут пресчастливы.

— Конечно, — говорю, — уж если ты ручаешься, то будут... Есть такая пословица: *«Кто думает три дни, тот выберет злыдни»*. Не выбирать — вернее.

— А что же, — отвечает моя жена, закрывая корзинку с дарами, — ведь это вы думаете, будто вы нас выбираете, а в существе ведь все это вздор [4. С. 227].

...

— Ну, матушка, *держи карман шире*: знаем мы, что такое их «особенная» любовь к девушке, которая на выходе. Всех обманет! Да ему и не обмануть нельзя — он на том стоит, и состоянию-то своему, говорят, тем начало положил, что деньги в большой рост под залоги давал. У такого-то человека вы захотели любви и великодушия доискаться. А я вам то скажу, что первые его два зятя оба сами пройды, и если он их надул и они теперь все во вражде с ним, то уж моего братца, который с детства страдал самую утрированную деликатностью, он и подавно *оставит на бобах*.

— То есть как это, — говорит, — на бобах?

— Ну, матушка, это ты дурачишься.

— Нет, не дурачусь.

— Да разве ты не знаешь что такое значит «оставить на бобах»? Ничего не даст Машеньке, — *вот и вся недолга* [4. С. 223].

Остановимся на другом моменте: в произведениях Н.С. Лескова герои разъясняют друг другу значения оборотов (об этом свидетельствует отрывок приведенный выше).

В рассказе «Старый гений» старушка-помещица разъясняет повествователю, что это за чин такой, который «из четырнадцати овчин»:

— Спрашивала — кто он такой и какой на нем чин? Это, говорит, в нашем обществе рассказывать совсем лишнее и не принято; называйте меня Иван Иванович, а чин на мне из четырнадцати овчин, — какую захочу, ту вверх шерстью и выворочу.

— Ну вот видите, — это, выходит, совсем какая-то темная личность.

— Да, темная... «Чин из четырнадцати овчин» — это я понимаю, так как я сама за чиновником была. Это значит, что он четырнадцатого класса. А насчет имени и рекомендаций прямо объявляет, что «насчет рекомендаций, говорит, я ими пренебрегаю и у меня их нет, а я гениальные мысли в своем лбу имею и знаю достойных людей, которые всякий мой план готовы привести за триста рублей в исполнение» [4. С. 174].

Образность последнего оборота можно связать с исторической реалией, которая в этом фразеологизме приобретает ироническое переосмысление. Чиновник последнего, четырнадцатого, разряда — коллежский регистратор — здесь сравнивается с крестьянином (тулуп из овчины — наиболее распространенная зимняя крестьянская одежда того времени).

Исконно русскими оборотами рисует художник жизнь российского купечества в рассказе «Чертогон»:

Вижу, из ресторана много прислуги высыпало к нам, и все перед дядею чуть не *в три погибели гнутя*, а он из коляски не шевелится и велел позвать хозяина [4. С. 43].

Он [Илья Федосеевич] везде смотрел, «нет ли непринадлежащих», и рядом с ним безотлучно ходил учитель; но когда они возвратились в главную гостиную, где все были в сборе, между ними замечалась большая разница: поход на них действовал не одинаково: учитель был трезв, как вышел, а дядя совершенно пьян.

Как это могло столь скоро произойти, — не знаю, но он был в отличном настроении; сел на председательское место, и *пошла писать столица* [4. С. 46].

Таким образом, своеобразие прозы Н.С. Лескова заключается в том, что в его произведениях обнаруживается национально-культурная доминанта. В своей статье мы рассмотрели лексические и лексико-фразеологические средства ее создания: исконно русские слова, устойчивые сочетания слов, фразеологизмы с ярко выраженным оценочным значением, пословицы, поговорки, метафоризация оборотов.

Автор создает объективные картины российской действительности, описывает русский характер, предрассудки русского общества и закоснелость «народного миропонимания».

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. — [Электронный ресурс] — URL: [<http://www.agape-biblia.org/books/Book05/index.htm>]. Дата обращения: 22.06.2013]. [*Dal V.I.* Tolkovyy slovar zhivogo velikorusskogo yazyka. — [Elektronnyj resurs] — URL: [<http://www.agape-biblia.org/books/Book05/index.htm>]. Data obrashheniya: 22.06.2013].
- [2] *Жуков В.П.* Семантика фразеологических оборотов: Учеб. пособие. — М.: Просвещение, 1978. [*Zhukov V.P.* Semantika frazeologicheskix oborotov: Ucheb. posobie. — М.: Prosveshhenie, 1978.]
- [3] *Ковшова М.Л.* Лингвокультурологический метод во фразеологии: Коды культуры. Изд. 2-е. — М.: Либроком, 2013. [*Kovshova M.L.* Lingvokulturologicheskij metod vo frazeologii: Kody kultury. Izd. 2-e. — М.: Librokom, 2013.]
- [4] *Лесков Н.* Старинные психопаты: Рассказы, повести. — СПб.: Азбука-Аттикус, 2012. [*Leskov N.* Starinnye psixopaty: Rassказы, povesti. — SPb.: Azbuka-Attikus, 2012.]
- [5] *Мокиенко В.М., Никитина Т.Г.* Большой словарь русских поговорок. — М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007. [*Mokienko V.M., Nikitina T.G.* Bolshoj slovar russkix pogovorok. — М.: OLMA Media Grupp, 2007.]
- [6] Русский словарь языкового расширения / Сост. А.И. Солженицын. — 3-е изд. — М.: Русский путь, 2000. [Russkij slovar yazykovogo rasshireniya / Sost. A.I. Solzhenicyn. — 3-e izd. — М.: Russkij put, 2000.]
- [7] *Телия В.Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. — М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. [*Teliya V.N.* Russkaya frazeologiya. Semanticheskij, pragmaticeskij i lingvokulturologicheskij aspektu. — М.: Shkola «Yazyki russkoj kultury», 1996.]
- [8] Фразеологический словарь русского языка. Свыше 4000 словарных статей / Под ред. А.И. Молоткова. Изд. 2-е, стереотип. — М.: Советская энциклопедия. [Frazeologicheskij slovar russkogo yazyka. Svyshe 4000 slovarnyx statej / Pod red. A.I. Molotkova. Izd. 2-e, stereotip. — М.: Sovetskaya enciklopediya.]
- [9] *Эйхенбаум Б.* О прозе. — Л.: Художественная литература, 1969. [*Ejxenbaum B.* O proze. — L.: Xudozhestvennaya literatura, 1969.]

**LEXICAL AND PHRASEOLOGICAL MEANS
OF CREATING NATIONAL AND CULTURAL DOMINANT
IN N.S. LESKOV'S SHORT NOVELS OF 1870—1880**

L.N. Lumpova, N.V. Ryzhova

The Chair of the Russian language and Methods of its teaching
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 6, Moscow, Russia, 117198

The article characterizes short novels of N.S. Leskov written in 1870—1880. The article analyzes lexical and phraseological means of creating national and cultural dominance — native Russian vocabulary, set expressions, proverbs, sayings, aphorisms, idioms with the meaning of evaluation, metaphorization of set expressions. Thus we reveal the author's intention.

Key words: short novels of N.S. Leskov, ethno-cultural (national and cultural) component, native Russian vocabulary, dialect, colloquialisms, set expressions, proverbs, national Russian language, idioms with the meaning of evaluation, national and cultural dominant, metaphorical language.